

Глава 1

«ТУШАТ-ТУШАТ — НЕ ПОТУШАТ»: ГРАММАТИКА ОДНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

§ 1. Вводные замечания

Современная лингвистика уже давно подошла к осознанию того факта, что описание грамматики языка не исчерпывается описанием его грамматических категорий; более неожиданным открытием последних лет становится понимание того, какие нетривиальные связи существуют в действительности между двумя зонами языка, которые принято называть лексической и грамматической. Насколько грамматическая зона оказывается подвержена влиянию индивидуальных отклонений, идиоматичности и непредсказуемости (связываемых обычно с лексикой) — настолько же и лексическая зона обнаруживает тенденции к системному устройству и регулярности (приписываемые обычно грамматике); иное дело, что в каждом из этих случаев указанные механизмы не находятся на поверхности, их обнаружение — задача специального анализа.

Как представляется, сейчас в русистике (если, в частности, говорить о русском языке) накоплено и обработано достаточно материала, чтобы описание этих тонких закономерностей взаимодействия двух систем языка стало реальной задачей.

Одной из таких «контактных» зон, в которых указанная двойственность дает себя знать, может быть, с наибольшей очевидностью, являются конструкции. Устройство и семантическая интерпретация конструкций подчиняются заведомо более жестким ограничениям по сравнению с фрагментами «обычных» предложений; вместе с тем, конструкции отличаются и от идиоматических сочетаний — в первую очередь тем, что задают некоторый тип высказываний: конструкция имеет определенное значение (которое, как правило, сходно с грамматическими значениями данного

языка), но, кроме того, на все ее элементы накладываются сильные ограничения (главным образом, семантического или лексического порядка). Можно сказать, что конструкции — это своего рода грамматическая периферия, создаваемая почти исключительно лексическими средствами; это лексика, стремящаяся стать грамматикой (или, если угодно, маскирующаяся под грамматику).

Предметом настоящего исследования будет одна из русских глагольных конструкций «с удвоением», т. е. содержащая полный повтор глагольной словоформы — того типа, который представлен в заглавии главы (его формальные характеристики будут уточнены ниже). Вообще, различные виды удвоения — один из самых распространенных формальных приемов образования конструкций (как глагольных, так и именных) в русском языке¹. На их разнообразие и высокий удельный вес прежде всего в устной речи обращалось внимание еще в известной работе Н. Ю. Шведовой [1960], где представлен обширный материал такого рода (некоторые наши примеры заимствованы из этого очерка). На первый взгляд кажется, что удвоению могут подвергаться любые словоформы — ср. такие примеры, как *красный-красный*, *близко-близко*, *ждет-ждет*, *только-только*, *знаю-знаю*. Но помимо того факта, что удвоение в разных случаях сопровождается разными семантическими эффектами (как следует, в частности, и из приведенных примеров), крайне существенно и то, что на самом деле такое удвоение допустимо отнюдь не во всех случаях — ср. *??стол-стол*, *??вместе-вместе*, *?сияет-сияет* и др. под. Именно это обстоятельство и заставляет в первую очередь считать, что в подобных случаях мы имеем дело с «конструкциями», каждая из которых передает особое значение и образуется в соответствии с нетривиальными правилами; традиционное представление об этом типе конструкций как о «лексически неограниченных сочетаниях полных слов» (ср. Шведова 1960: 31—32) нуждается в уточнении.

¹ Ср. наблюдения в Шведова 1960. Специально об одном из видов глагольного удвоения (с участием инфинитива) см. также Пайар, Плуноян 1993, где более подробно рассматриваются конструкции типа *съест-то он съест, да кто ж ему даст*.

Приведем еще несколько примеров интересующей нас конструкции:

- (1) *Перед ними — дверь дубовая, на двери — кольцо. Стали они за кольцо тянуть — дверь не открывается. Дернули посильней — не поддается. **Дергали-дергали** они дверь — совсем из сил выбились.*
- (2) *Ночью тихо, ни звука, ни скрипа, ни шороха. Только филин изредка прокричит, да мышь в углу возится: **поскребется-поскребется** — и затихнет.*
- (3) *{— А гербарий-то мой где? — спрашиваю,
— Какой гербарий? Там куча сена на полу лежала, так я ее давно уж выкинула...}
— Это что же получается? Человек **собирал-собирал**, старался, а ты все взяла, да и выкинула?*

Конструкция состоит из двух частей, каждая из которых содержит самостоятельную предикатную вершину (конструкция в целом часто оформляется как сочинительная): вершиной первой части являются две одинаковые личные глагольные словоформы, вершиной второй части — любой предикат (о лексических и семантических ограничениях на этот предикат см. ниже). Характерным формальным признаком данной конструкции является также ее особое просодическое оформление (в орфографии обычно передаваемое дефисом между удвоенными глагольными словоформами): удвоенные словоформы составляют одно фонетическое слово (с главным ударением на первом компоненте)² и произносятся с особой интонацией.

Указанные внешние характеристики полезно принимать в расчет для отделения данного типа от других (весьма многочисленных в русском языке) глагольных конструкций, также содержащих повтор глагольной словоформы. В частности, фонетическая

² А. М. Пешковский говорит об «особой ритмической цельности соединенных элементов», а Н. Ю. Шведова — о «слитном и убыстренном произнесении обеих форм с подчеркнутым акцентированием первого слова». Интересно, что указанная просодия характерна и для одной неглагольной конструкции (с близкой семантикой) — мы имеем в виду конструкцию *нет-нет, да и + [V св. През.]* (ср.: *нет-нет, да и скажет*, и т. п.). См.: Шведова 1960: с. 32—33 et passim.

слитность удваиваемых словоформ отсутствует в конструкциях, выражающих повышенную (по сравнению с ожидаемой) длительность действия или процесса, например:

- (4) *Уже давно стемнело, очертания дороги были едва заметны, а он все шел, шел [= все шел и шел], почти механически переставляя ноги.*

Ср. ту же пару словоформ в интересующей нас конструкции:

- (5) *Что же это получается? Шел-шел, полцарства обошел, сапоги железные износил — а пришел, выходит, не туда?*

С другой стороны, удвоенные словоформы, также составляющие одно фонетическое слово — однако с главным ударением не на первом, а на втором компоненте! — широко используются, например, в ответах на вопрос; в этом случае удвоение передает, в первом приближении, значение повторного и «самоочевидного» подтверждения (такому «модальному» удвоению могут подвергаться отнюдь не только глагольные словоформы, ср.: *знаю-знаю, сюда-сюда, конечно-конечно* и мн. др.). Анализ всех этих случаев не входит в нашу задачу.

Таким образом, за пределами нашего исследования остается много интересных аспектов, связанных с семантикой русского удвоения в целом (как именного, так и глагольного), а также с семантикой глагольных конструкций, включающих полностью или частично удвоенные лексемы — ср., например, помимо уже приведенных выше, очень своеобразные конструкции типа *глядит-поглядывает*, засвидетельствованные, кроме русского, и в других славянских языках³.

³ Ср., например, следующий отрывок из македонского текста (Б. Конески):

*Шуми езеро, играј езеро,
летај галепче белокрилесто,
летај долетај мене на рака,
да те затоплам на бели гради!*

Букв.: «Шуми, озеро, играй, озеро, лети, белокрылая чайка; лети-прилетай ко мне на руку, чтобы я согрела тебя на белой груди» (цитируется по изданию: R. G. A. de Bray. Guide to the Slavonic languages. Columbus (OH), Slavica, 1980, pt. 1, p. 229).

К сожалению, мы не имеем возможности рассмотреть здесь все эти проблемы и вынуждены ограничиться только одним явлением, быть может, несколько произвольно выделяя его из большой и достаточно гомогенной зоны.

§ 2. Семантика конструкции: общие свойства и ограничения

Рассматривая интересующую нас конструкцию (*тушат-тушат — не потушат, шел-шел — а пришел не туда*, и т. п.) с точки зрения того общего значения, которое передают все ее разновидности, мы можем выделить следующие основные семантические компоненты.

А. Удвоенный глагол описывает длительную ситуацию (действие или процесс). Ее длительность при этом носит особый характер — ситуация либо имеет разную степень интенсивности на разных этапах, либо (чаще) ситуация является прерывистой, т. е. состоит из многих последовательно возобновляемых одинаковых «порций». (У действий частым прагматическим следствием такой прерывистой структуры является конативность, т. е. значение повторяющихся попыток совершить не реализованное до конца действие: об этом см. подробнее ниже.)

Б. Длющаяся ситуация относится к прошлому (о возможном при этом употреблении удвоенных форм в презенсе см. ниже).

В. Длющаяся ситуация в целом имеет место раньше некоторой другой ситуации (вводимой во второй части конструкции), которая также относится к прошлому⁴.

Теперь мы рассмотрим каждое из перечисленных свойств более подробно, уделяя особое внимание тем семантическим ограничениям, которые в связи с этими свойствами накладываются на элементы конструкции.

⁴ Заметим, что свойства «б» и «в» сближают нашу конструкцию с тем, что обычно называют плюсквамперфектом, т. е. с граммемой, совмещающей временное («прошлое») и таксисное («предшествование») значения. В нашем случае, однако, на эту плюсквамперфектную семантику накладывается еще много дополнительных ограничений (см. ниже).

2.1. «Прерывистая длительность»

Первое из сформулированных нами свойств задает аспектуальную характеристику ситуации, квалифицируя ее как длительную и/или повторяющуюся. Такая комбинация признаков крайне типична для русской грамматической системы, и ограничения, вытекающие из этого свойства, оказываются вполне естественными. Они касаются прежде всего невозможности употребления форм СВ, обозначающих недлящиеся, «точечные» события (**съел-съел*, **взял-взял*, **упал-упал* и т. п.).

Употребление же «точечных» глагольных лексем возможно в нашей конструкции только с отчетливо выраженным итеративно-дистрибутивным значением, при котором глагол обозначает множество точечных событий, последовательно распределенных во времени и заполняющих некоторый временной интервал, в течение которого происходит смена участников ситуации, ср. *бросал-бросал камни*, *брал-брал книги в библиотеке* и т. п. (всякий раз имеется в виду новый камень или новая книга). В этом случае весь интервал, занимаемый однородными точечными событиями, приравнивается к прерывистому процессу. Ср. запрет на *?бросал-бросал камень*, *?брал-брал книгу*, где единственное число объекта препятствует дистрибутивному осмыслению точечного события. В соответствии с хорошо известной и не раз отмечавшейся для русского языка закономерностью, такое переосмысление ситуации влечет смену СВ на НСВ в удваиваемых словоформах⁵.

Но, помимо точечности, существуют и менее тривиальные семантические ограничения на участие в конструкции, обозначающей прерывистую длительность. Эти ограничения связаны с тем, что семантика прерывистой длительности предполагает, хотя бы отчасти, возможность визуально зафиксировать «пунктирный» характер ситуации. Между тем, далеко не все ситуации, в принципе имеющие временную протяженность, являются настолько конкретными, чтобы допускать в сознании говорящих такую сегментацию. Мы уже предлагали ранее (в связи другими задачами)

⁵ Специально о связи итеративности-дистрибутивности с НСВ в славянских языках см., в частности, Князев 1989.

выделять класс глаголов, называемых «абстрактными». В первом приближении, абстрактные глаголы (например, *мстить*, *воспитывать*, *начинать* и др.), в отличие от конкретных (например, *бежать*, *запирать*, *скоблить* и др.) не предполагают указания на конкретные фазы, которые проходит ситуация, описываемая данным глаголом (подробнее см. Плуноян, Рахилина 1990). Оказывается, что абстрактные глаголы, будучи «неразложимы» на строго определенные этапы, не допускают и конструкций со значением прерывистой длительности, ср. [?]*мстил-мстил*, [?]*начинал-начинал* и т. п. при допустимом *запирал-запирал*, *скоблил-скоблил* и т. п. Только в последнем случае составляющие ситуации жестко фиксированы, так что она — как и предполагается семантикой конструкции — может прерваться и продолжиться, завершиться и повториться с точностью до деталей.

Показателен в этой связи пример глагола *воспитывать*, который может участвовать в конструкции с удвоением только в своем производном (и при этом как раз конкретном) значении «ругать, заниматься нравочениями»: *Он меня воспитывал-воспитывал, а я не выдержал, да и говорю ему...* Ср. невозможность употреблений типа: **Воспитывает-воспитывает он детей три года*, где глагол используется в своем стандартном значении.

2.2. Отнесенность к прошлому

Тот факт, что ситуация, обозначаемая удвоенным глаголом, относится к прошлому, легко объясняет невозможность употребления в составе конструкции форм аналитического будущего времени НСВ, имеющего в русском языке наиболее отчетливую не-презентную семантику, ср.: **будет бежать-бежать*. (Заметим, что удвоения других семантических типов с этой граммемой вполне совместимы, ср.: *будет бежать и бежать*, и т. п.)

Несколько сложнее, однако, обстоит дело с формами презенса СВ и НСВ. Формально, в нашей конструкции презентные формы не запрещены — более того, они даже встречаются довольно часто; ср. примеры типа (2) или следующего:

- (6) *Бежит-бежит заяц, не оглянется, а волк его уже за кустом поджидает.*

Однако с семантической точки зрения перед нами в этих случаях не «чистый» презенс, а та интерпретация этой граммы, которая полностью соответствует семантике конструкции — так называемое настоящее историческое, т. е. презенс, описывающий (с особым эффектом «соучастия») события в прошлом. В этом смысле *бежит-бежит* как бы равнозначно *бежал-бежал*. Соотнесенность презентных форм с планом прошедшего становится очевидной и при погружении их в более широкий контекст. Рассмотрим, например, такой контекст для нашей «эталонной» конструкции *тушат-тушат — не потушат* (К. Чуковский, «Путаница»); он с однозначностью свидетельствует о том, что описываемая ситуация имеет место в прошлом и презенс не передает идею соотнесенности с моментом речи:

- (7) (...) *Приплывали* два ерша — *поливали* из ковша. (...) *Тушат-тушат — не потушат, заливают — не зальют. Тут бабочка прилетала, крылышками помахала, стало море потухать — и потухло.*

Указанная интерпретация граммы презенса (с синонимией форм настоящего и прошедшего времени) наиболее характерна для глаголов НСВ. Что же касается глаголов СВ, то здесь соотношение несколько иное. Формы СВ прошедшего времени, как мы уже говорили, по большей части запрещены в конструкциях с удвоением, так как обозначают точечные события. Исключением здесь являются только делимитативные глаголы с приставкой *по-* (*попел, посмотрел* и т. п.), семантика которых («порция» действия, ограниченная небольшим временным интервалом) не противоречит общей семантике конструкции с удвоением, ср. примеры типа *попел-попел (и перестал)*. Соответственно, возможен и презенс делимитативных глаголов (ср. пример 2), имеющий (*mutatis mutandis*) ту же непрезентную интерпретацию, что и презенс глаголов НСВ.

Что касается других презентных форм СВ, то в современном языке их употребление представляется в целом ненормативным. Однако такие примеры встречаются, например, у авторов XIX века, ср. ⁶:

⁶ Примеры даются по Шведова 1960: 41—42.

- (8) (...) *Лежит как мертвая; **опомнится-опомнится**, да опять глаза заведет* (А. Н. Островский).
- (9) *И все-то мне мило — и пашня, и соха, и борона, и дровни; и телушка... Все — точно родные, друзья дорогие, кровные. **Гляну-гляну** — страсть какое разорение, а у меня только дух бодрей* (Г. Успенский).

Значение этих форм в принципе не отличается от значения презентных форм НСВ — следующие друг за другом «порции» точечного действия; однако в современном языке ограничения на комбинацию значений точечности (в рамках граммы СВ) и повторяемости становятся более строгими, и подобные употребления практически исключены⁷.

2.3. *Заключительная ситуация: семантика «нарушенного следствия»*

Наиболее существенной, однако, для понимания смысла конструкции в целом является семантика заключительной ситуации, т. е. той, которая вводится в конструкцию после ситуации, описываемой комплексом из удвоенных глаголов. Слушающий уже отчасти подготовлен к восприятию этой заключительной ситуации самим характером исходной ситуации, предполагающей известную незавершенность (Н. Ю. Шведова, например, говорит в этой связи о семантике уступительности). Исходный глагольный комплекс провоцирует у слушающего определенные ожидания: если ситуация неоднократно возобновляется, то это должно иметь, во-первых, свои причины и, во-вторых, свои следствия.

Начнем со следствий, которые представляются более важными. Будем исходить из допущения, что относительно всякой ситуации существует представление о ее естественном завершении или о совокупности естественных, нормальных следствий из нее.

⁷ В этом можно видеть отражение более общей тенденции к сужению «несобственных» употреблений СВ (и, напротив, к расширению таких употреблений у НСВ), характерной для последнего периода развития русской глагольной системы; ср. более подробно относительно НСВ в Князев 1989, относительно СВ — в Зализняк 1990.

В этом случае мы можем констатировать, что заключительная ситуация, во-первых, *прекращает* исходную, а во-вторых, *противоречит* ее нормальным следствиям. Таким образом, аномальной длительности исходной ситуации сопутствует аномальное же ее завершение.

Этот эффект нарушенного следствия проявляется несколько по-разному у результативных и нерезультативных ситуаций. Для результативных ситуаций наиболее обычным аномальным завершением является отсутствие результата (или невозможность его получения); поэтому среди примеров этого типа так велика доля конструкций, содержащих во второй части отрицание: *тянул-тянул, да так и не вытянул*. Возможны, разумеется, и менее тривиальные варианты, но все они сводятся, в конечном счете, к той или иной ситуации, отменяющей естественный результат или противоречащей ему. Отметим в этой связи невозможность таких комбинаций, как **тянул-тянул, и стал тянуть сильнее*, или **тянул-тянул, а мимо шли люди*.

Интересно, однако, что в некоторых случаях ситуацией, прерывающей действие или процесс, все-таки оказывается сам результат — но результат внезапный, неожиданный, и в этом смысле тоже как бы противоречащий естественному ходу вещей и отменяющий «настоящий», естественный результат (наступление которого ожидается позже). Поэтому возможна последовательность типа: *тянул-тянул, да вдруг и вытянул* (говорящий не ожидал, что это произойдет вообще или что это произойдет «так сразу»). С другой стороны, в тех случаях, когда наступление «внезапного результата» невозможно, «результативная» ситуация в качестве завершающей оказывается неприемлема, ср.: **собирался-собирался, и собрался* или *собирался-собирался, да (и) пришел*. Правильным продолжением здесь может быть только нечто вроде: *собирался-собирался, да так и не пришел*.

Говоря о результативных глаголах, следует рассмотреть часто возникающее значение конативности — попытки совершить (до тех пор не реализованное) действие. Конативность — естественное следствие повторяющегося характера всей ситуации, одно из наиболее вероятных его прагматических переосмыслений. Если действие приходится постоянно возобновлять, постоянно к нему возвращаться — это значит, что предыдущие его реализации бы-

ли для субъекта неудовлетворительны. Действительно, примеры типа *открывал-открывал, да так и не открыл* предполагают именно такую «причинную» интерпретацию (поддержанную и завершающей ситуацией). Интересно, что в некоторых случаях в составе конструкции с удвоением конативное значение могут иметь и те глаголы НСВ, которые в современном русском языке его в других контекстах уже не способны выражать, ср. известную фразу из сказки о курочке-рябе:

(10) *Дед бил-бил — не разбил, баба била-била — не разбила.*

Глагол *бить* сам по себе конативности в современном языке выражать не может: более стандартным было бы употребление лексемы *разбивать*, ср.: *Он долго разбивал (*бил) яйцо, но так и не разбил его.*

Что касается нерезультативных, но контролируемых ситуаций (т. е. действий типа *бежать* или *думать*), то правильная интерпретация конструкций с их участием предполагает обращение к более общим понятиям, чем лексикографически детерминированный результат⁸ — например таким, как «прагматически естественный финал» этих ситуаций, или (прагматическая) цель, которой руководствуется их субъект. Заключительная ситуация оказывается противоречащей именно этой прагматической цели: таким образом осмысляются предложения типа (6) и многие другие.

Неконтролируемые и нерезультативные процессы и состояния, в силу сказанного, не могут иметь ни естественного прагматического финала, ни, тем самым, и его естественного отрицания. Поэтому конструкции типа *являлся-являлся почетным гражданином (а потом перестал)*, *влияла-влияла на него погода*, *весил-весил 50 кило* и т. п. в стандартном контексте недопустимы. Важно отметить, что возможность простого прекращения (существующая для очень многих типов ситуаций, в том числе и для только что упомянутых) сама по себе еще не гарантирует возможности их участия в конструкции: это должно быть именно такое прекращение ситуации, которое возникает вопреки прагматической цели ее субъекта.

⁸ О различии между лексикографически детерминированными и недетерминированными (прагматическими) результатами см. также Плунгян 1989.

Однако интересным пограничным классом оказываются глаголы, обозначающие неконтролируемые процессы, связанные с расходом некоторого вещества: *кипеть, гореть, течь* и т. п. Эти процессы не являются полностью гомогенными, им свойственна определенная внутренняя динамика и прагматический финал, состоящий в прекращении процесса в силу исчерпания ресурса. Эта динамика и обуславливает возможность употребления данных глаголов в составе нашей конструкции — возможность, строящуюся на игре с ожидаемым/не ожидаемым прекращением процесса, ср. *кипел-кипел, да и выкипел, горел-горел, да и выгорел* — или, с другой полярностью: *течет-течет — не вытечет, бежит-бежит — не выбежит* (русская народная загадка о речной воде). Возможно и обратное соотношение, основанное на ожидании не конца, а начала никак не начинающегося процесса, ср.: *не кипел-не кипел, да вдруг как закипит; вода не текла-не текла, да вдруг как хлынет!* В этом случае отрицание как бы создает особую ситуацию (не-Р), получающую своего рода прагматический финал в виде ситуации Р.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что конструкция с удвоением глагольной словоформы рассмотренного нами типа выражает сложный идиоматический смысл, который сводится к противоречию между неоднократными попытками совершения [контролируемого] действия в прошлом (или неоднократным возобновлением [неконтролируемого] процесса) и наступившей после этого ситуацией, прямо или косвенно сводящей указанные попытки на нет. Этот смысл имеет также сильную экспрессивную составляющую (что объясняет особую частотность наших конструкций в разговорной речи и устных фольклорных жанрах), которая касается нарушенных ожиданий говорящего (ср. передающие близкий эмоциональный комплекс выражения типа *вот те раз!* и др.).